

ВОСПОМИНАНИЯ¹

(Фрагменты: о путешествии в Нижний Новгород)

...В феврале месяце (1816 года), одним утром, граф Ламберт² прислал пригласить меня к себе в канцелярию. В объяснениях, которые мы имели, увидел я чистосердечное желание быть мне полезным. «Вы теперь ничего не делаете, не хотите ли чем-нибудь заняться? Представляется к тому случай, – сказал он мне. – Слыхали ли вы о генерале Бетанкуре?»

1 Развёрнутое и подробное описание путешествия Филиппа Филипповича Вигеля в Нижний Новгород в команде Августина Бетанкура на строительство Нижегородской ярмарки опубликовано в журнале «Вертикаль. XXI век», выпуск № 78 и посвящено 200-летию упомянутой ярмарки. Настоящий текст – из пятой части книги «Воспоминания Ф.Ф. Вигеля». М., 1865, КАТКОВ и К°. (В университетской типографии). В скобках содержатся необходимые редакторские пояснения. Многоточие в угловых скобках – купюры внутри абзаца. Многоточие перед абзацем – купюры – абзац и более. Подготовка текста – журнал «Вертикаль. XXI век».

2 Граф Ламберт – начальник отделения канцелярии министра финансов, действительный статский советник (Авт.).

Он в большой доверенности у государя, и по части механики можно почитать его европейскою знаменитостью. < ... > Ему нужен чиновник, который бы хорошо знал французский и русский языки, и на которого бы мог совершенно положиться. Он просил меня о приискании ему такового: я был коротко с ним знаком в Мадриде¹, когда я находился там секретарем посольства: я ему назвал вас, но не смел обещать ему вашего согласия. Сегодня вечером поедемте к нему вместе; во всяком случае, это будет для вас приятное знакомство».

...Мы нашли Бетанкура одного в обширном кабинете. Оно усадил нас вокруг письменного стола своего, разговорился, и знакомство с ним сделалось у меня скоро. Старик показался мне живым, весёлым, но не менее того почтенным.

...Есть искусство вовремя родиться и вовремя умирать: в числе других Бетанкур имел и это искусство. Что бы было с ним, если бы родился он ранее? Из рук самой природы вышел он механиком. Заботясь о благе государства своего, Карл III устраивал тогда славные, покойные дороги, строил мосты, рыл канавы и чистил Гвадалквивир, одним словом, создавал в Гишпании² всё то, чего ей недоставало. Ему нужны были инженеры и архитекторы, для них заводил он школы и, подобно Петру Великому, подданных своих посылал учиться за границу. Отправленный им в Англию Бетанкур, провел там молодость свою. < ... > Возвратясь в отечество, сделался он нечто вроде начальника сухопутных и водяных сообщений, полагать должно, не выше того, что у нас директоры департаментов.

С ним в Мадриде коротко был знаком посланник наш Муравьев-Апостол и, желая угодить государю, который имел одинаковые вкусы с Карлом III, старался подговорить его приехать в Россию; но он никак не мог решиться. Заметив, однако же, что Наполеон отечество его с каждым годом более подбирает в мощные когти свои, и, предвидя беду неминуемую, сам, наконец, предложил себя. За условленную цену, по контракту, заключенному с ним, как со знаменитым художником, не более, приехал он в Петербург осенью 1807 года.

...В жилах у старика пылал ещё жар раскалённого неба, под которым он родился, и, как все вспыльчивые люди, имел он доброе сердце и весёлый нрав. Ума было у него пропасть, и разговор его был занимателен. Аристократическое чувство, правда, никогда не покидало его даже за станком, за которым всегда трудился он, когда не было у него другого дела; с таким человеком мы скоро и близко сошлись.

Да какая же была его настоящая должность?..

При Екатерине учреждена экспедиция водяных коммуникаций и поставлена на ряду с коллегиями.

...При учреждении министерств поступила она в ведомство министра коммерции, и в 1809 году, преобразованная в особое министерство, под названием главной дирекции путей сообщения... (Был образован особый корпус) гражданских инженеров, коим для поощрения даны были военные чины и мундиры.

...Дабы на будущее время не нуждаться в них, учреждено для них особое высшее училище под названием института инженеров путей сообщения. < ... > Он состоял под управлением особого директора, над которым были ещё принц Ольденбургский, в виде попечителя или покровителя, и генерал Бетанкур, под названием главного начальника института. < ... > Он не принадлежал к корпусу инженеров, не носил их мундир, числился во свите государя и почитал себя зависящим единственно от него.

...Ещё в 1816 году отставной канцлер, граф Румянцев, путешествуя по России, посетил и Макарьевскую ярмарку. Она привлекла на себя особое внимание человека, бывшего столько лет министром коммерции.

1 Мадриде (Ред.).

2 Испании (Ред.).

Он нашёл, что весьма было бы выгодно по близости перенести её из Макарьева в Нижний Новгород и тем поддержать, украсить и поднять последний, который во мнении многих людей почитается настоящим средоточием России, долженствующим быть и столицей её. <...> Замечания свои граф Румянцев представил государю, который принял их в уважение.

Дабы удостовериться в пользе предлагаемого канцлером, в июле 1817 года Бетанкур отправлен был в Нижегородскую губернию. Ему поручено было, обозрев местности, избрать удобнейшую и выгоднейшую для учреждения нового прочного ярмарочного гостиного двора, и донести, в случае построения новых каменных лавок, доходы с них будут ли достаточны. <...> Это было первое путешествие, которое он делал внутри России, которую дотоле он вовсе не знал, не видав даже Москвы. <...> Бетанкуру представился прекрасный случай выказать всё искусство своё, как инженеру, архитектору, механику, и в самом широком объёме: как было ему не воспользоваться оным? В виду Нижнего Новгорода, за Окой, близ втока её в Волгу, на луговой её стороне, каждую весну потопляемой разлитием двух великих рек, избрал он место для сооружения себе памятника. Тут надлежало с большими издержками для казны победить препятствия, поставляемые природой. Надлежало, в виде полукруглого острова, сделать высокую насыпь, которую внешние воды не могли бы затоплять, прорыть вокруг неё судоходный канал, соединяющей речку Пыру с Окой, и возводимые каменные строения, все без изъятия, утвердить на бесчисленных сваях. Мне случалось впоследствии слышать льстецов, которые в разговорах с Бетанкуром это гигантское произведение его гения называли египетскою работою и сравнивали его с ископаным озером Мёриса и пирамидой Хеопса. Он со своей стороны почитал эту лесть слишком грубою, и отвергал её с досадой.

По возвращении лично и словесно докладывал он государю о своих предположениях. Не знаю, какую уловку употребил он, чтобы не испугать его огромностью сумм на то потребных. Государь не жалел денег на всё, по мнению его, полезное, но даром бросать их не любил. Я полагаю, что сперва не открыл он ему всей истины, не объяснил сколько миллионов потребуется, ибо представленная им вслед затем смета была довольно скромная. Раз втянувши казну в это предприятие, ему легко было после доказывать необходимость беспрестанных прибавок.

...Весной в следующем 1818 году, ярмарочные деревянные строения перенесены уже были из Макарьева на плоское место, находящееся рядом с тем, на котором предполагалось соорудить прочные здания; летом в сих временных помещениях открыт был уже и торг. <...> Он намеревался провести в Нижнем Новгороде и лето 1819 года, и пригласил меня с собою. Итак, в апреле месяце начал я приготовляться к новому пути...

...Очень рано поутру на другой день, 28-го числа (мая), причалили мы к городу Кинешме. Я лежал ещё в постели и довольствовался сквозь оконце моей каюты (бывшей Бетанкуровской) не вставая поглядеть на шумный базар, находившийся на низком берегу над самою пристанью. Сии последние два дня нашего странствования были отменно приятны; Волга продолжала быть оживляема и многочисленными судами, по ней плывущими, и картиной беспрерывных весёлых селений, по берегам её расположенных. Ночью проплыли мы мимо Балахны, и опять на этот городок не удалось мне взглянуть. Наконец, 29-го мая, когда рождающиеся свет едва дозволял различать предметы, мы были пробуждены гремучею песнею всех гребцов наших. Между ими есть обычай, при входе в Оку или в которую-либо из больших рек в Волгу впадающих, приветствовать их громогласным, весёлым пением. Не было возможности унять их; мы принуждены были встать, одеться и выйти на палубу. Тогда скоро на горе, в тусклом свете, предстал нам Новгород Низовские земли. Мы пристали к деревянному, двухэтажному,

казённому дому, недавно на самом берегу построенному, в котором жил Бетанкур, и тут только, дабы не разбудить его, успел я заставить замолчать певунов наших.

...Прямо против казённого дома, под горой, в котором мы жили все вместе, наведён был длинный мост через Оку, по которому ездили на ярмарку. Правая сторона плоского места, к которому вёл он, занята была временными деревянными лавками и балаганами; на левой стороне кипели тысячи работающего народа, и быстро поднималась огромная насыпь, недоступная волнам двух великих рек во время их разлива. Важность этой операции доказывается великим числом инженерных штаб¹ и обер-офицеров, в Нижний по сему делу нагнанных.

...С городскими жителями мы имели мало сношений, исключая одного, именно гражданского губернатора, Александра Семёновича Крюкова, женатого на бедной англичанке. Госпожа Бетанкур, также англичанка, в 1818 году посетив Нижний, познакомилась и сблизилась с сею единокоренною...

...Мы часто его посещали: дом его вместе с нашим и с домом барона Боде составлял как бы один. За неимением казенного губернаторского дома жил он в собственном, весьма изрядном, и довольно пестро украшенном. Лучшим украшением оного служила единственная дочь его, очень молодая, но уже замужняя, княгиня Надежда Александровна Черкасская. Она ещё более походила на англичанку, чем мать. Пусть заглянут в лучший английский кипсек² и выберут прелестнейшее из женских лиц, с ним только можно сравнить красоту её в восемнадцать лет. Начиная от шестидесятипятилетнего Бетанкура до четырнадцатилетнего сына его Альфонса, мы все были влюблены в его княгиню. Она же смотрела так невинно и благосклонно вместе, что не любить её было столь же невозможно, как ревновать или подозревать в чём-нибудь. Я не понимаю, как отец её не попользовался сим нежным расположением нашего старика, чтобы держать его в своей зависимости. Напротив, сей последний необычайную его снисходительность, по мнению моему, часто слишком употреблял во зло.

...Среди сего малого круга жил я до половины июля. Город был весьма немногочислен; в нём оставались одни только должностные лица; помещики же все разъехались по деревням, и вместе с толпами иногородних к началу ярмарки должны были только приехать; следственно, мне никакого почти не было случая с ними познакомиться. Ярмарка была открыта с барабанным боем, 15-го июля, но никого почти ещё не было, и купцы только что начинали раскладывать свои товары. Прежде, бывало, оканчивалась она 25-го числа, в день Св. Макария, а с перенесением её в Нижний Новгород каждый год опаздывают с её открытием, так что 25 июля едва начинается она, а торг продолжается весь август.

...Маленький город, с маленьким дворцом, с храмами православным и иноверными, в котором полтора месяца кишит до двухсот тысяч приезжих и пришедших, не удалось мне видеть, а только возвышение грунта для его построения. Что же касается до временной ярмарки, я находил, что, в самом большом размере, она походит на пензенскую. Также из досок сколоченные ряды, только в некотором от них расстоянии прочные строения, театр³, трактиры, бани. Там только во всякое время дозволено было разводить огонь. Не знаю почему, один купец Колесов серед ярмарки пользовался тою же привилегией. У него, говорили, была молодая жена, которую он ко всем ревновал, с которою не хотел

1 Штаб или штаб-офицер – военный или гражданский чиновник 8,7,6 или 5 класса; ниже этого – обер-офицер, выше – генерал. В. Даль. (Ред.).

2 Подарочный роскошно изданный альбом гравюр, рисунков, преимущественно женских головок. (От англ. keepsake – подарок на память). (Ред.).

3 Интерес Ф.Ф. Вигеля к искусству сцены несомненен и постоянен. В начале IV главы настоящей части Вигель пишет: «Не цеаую главу, а несколько страниц в каждой части сих записок посвящаю я обыкновенно описанию современного состояния русского театра». (Ред.).

разлучаться и для того, за большие деньги, выпросил себе право построить, хотя временное, но прочное помещение. Он был царем китайской у нас торговли, через его руки проходил весь чай, который распивается в России, и одних пошлин, говорили, платил он более ста тысяч рублей ассигнациями. Такому человеку снисходительность оказать можно было. Невидимая часть ярмарки была самая важная: оптовая продажа и вообще все большие торговые сделки, которые, за неимением биржи, совершались на домах.

Я упомянул о временном ярмарочном театре; был ещё в городе другой, деревянный, постоянный. Надобно знать, что в царствование Екатерины, когда русские бегом бежали навстречу к просвещению, они воспринимали преимущественно, как народ молодой, все новые забавы, которые представлял им Запад: оттого-то так много расплодилось домашних оркестров и трупп. В каждом губернском городе был обыкновенно один помещик-забавник или, лучше сказать, забавитель публики. В одной Пензе, как видели, было, их некогда трое. Сего мало: почти в каждой губернии был ещё один помещик-тиран, обыкновенно человек богатый, а иногда знатный и чиновный. Безответные крестьяне и дворяне не имели никаких причин на них жаловаться: зато горе соседям, не только мелкопоместным, но даже зажиточным дворянам, когда они отказывались исполнять их прихоти. Первых они дарили, последних часто угощали у себя грубо-роскошною трапезой. Но коль скоро произойдут какие-нибудь несогласия, возбудится в них досада, они не удовольствуются одними обыкновенными неприятностями: потравой полей, порубкой леса: они посягали на их личность, с ватагой врываются в их селения с тем, чтоб иногда предавать их телесному наказанию. Непонятно, как такое жестокое самоуправие могло быть терпимо. Для такой нравственной силы одного богатства было бы недостаточно, нужны были смелость и великая твердость воли. Зато эти люди всем располагали на выборах, исправники трепетали пред ними, и сами губернаторы старались обходиться с ними осторожнее.

Учредителем нижегородского театра был меньшой брат богатого в Москве князя, Бориса Григорьевича Шаховского, бедный князь Николай Григорьевич. Оба одержимы были сильною сценоманией, но старший имел актёров для своей забавы, меньшой для прибыли. Странно видеть человека, когда он берется совсем не за свое дело: этот Шаховской не имел никакого понятия ни о музыке, ни о драматическом искусстве, а между тем ужасным образом законодательствовал в своём закулисном царстве. Всё, что ему казалось несколько неприличным или двусмысленным, он беспощадно выкидывал из пьес; в труппе своей вводил монастырскую дисциплину, требовал величайшей благопристойности на сцене, так чтобы актёр во время игры никогда не мог коснуться актрисы, находился бы всегда от неё не менее, как на аршин, и когда она должна была падать в обморок, только примерно поддерживал её. После того можно себе представить, как движения их были свободны и ловки. Я не имел довольно пристрастия к Пензе, чтобы актёров её предпочесть нижегородским, однако ж, и этим перед теми преимуществами дать не могу: вообще, трудно мне решить, которые из них были хуже. Вот еще одна странность Шаховского: он находил (вероятно, из экономических видов), что сцена производит гораздо более эффекта, когда она одна только освещена, а все другие части театра погружены во тьму. Оттого-то в партере можно было играть в жмурки, а в ложах, чтобы рассмотреть друг друга в лицо, каждый привозил с собою кто восковую, кто сальную свечку, а иные даже лампы. Он к нам был чрезвычайно милостив, дал Бетанкуру даром ложу и поднёс билет на все летние представления; только к этой щедроте хотя бы огарок прибавил. И этот друг Таалии¹ и Момуса² был молчаливый, мрачный и невзрачный

1 В древнегреческой мифологии – одна из девяти муз, покровительница комедии (Ред.).

2 В древнегреческой мифологии – бог шуток, насмешек, злословия (Ред.).

старичок. У него была жена гораздо моложе его, отменно добрая, да три подрастающих дочери.

Сверх того, в самом городе была ещё зала, не весьма огромная и не весьма красивая, в которой собирались дворяне выбирать друг друга в должности, а зимой играть в карты и танцевать. Я видел её ещё до ярмарки, когда дворянство давало Бетанкуру бал. Постоянным старшиной этого собрания был тот же самый печальный Шаховской, следовательно, – источником всех городских увеселений.

...Вскоре целыми гурьбами привалили пензенцы, саратовцы и помещики других соседних губерний. < ... > Всё зашумело, всё задвигалось в городе: я говорю, в самом городе, ибо только в верхней части его можно было найти помещение. Кунавинская слобода, примыкающая к ярмарочной площади, состояла тогда вся из хижин; кой-где начинали однако же подниматься в ней хорошие строения. Долго после того порядочные люди не решались в ней жить; она почиталась местом развратных увеселений.

...С 1-го августа по 6-е, то есть от первого Спаса по второй, была ярмарка, как говорили, в самом разгаре; куда ни поедешь, в ряды ли, по городу ли, везде скачка, везде суматоха. Роскошным обедам также конца не было у губернатора, у князя Грузинского, а из приезжих – у богача-генерала Дмитрия Дмитриевича Шепелева, да у пензенских Хрущовых, и ещё у некоторых других. О скучных театре и балах в благородном собрании уже не говорю. Для меня величайшим удовольствием было ходить между простыми торговцами, прислушиваться к их толкам, дивиться торговой оборотливости русских людей...